

Центр крепости представляет собой изолированно стоящую песчаниковую скалу, высотой около 20 м. Скале искусственно придана отвесность так, что она представляет собой гигантский высеченный из песчаника цилиндр.

На 4—5 м выше скалы поднимается оплывший глиняный бугор разрушенной крепости с мощным культурным слоем. На вершину скалы ведет изгибающийся в 4 марша глиняный пандус.

Неправильной формы площадка вокруг скалы, площадью 200×200 м, окружена сильно обвалованной стеной с воротами против пандуса и следами рва с противоположной стороны.

Керамические находки свидетельствуют о том, что Устыкский «арк» существовал уже в кангюйско-кушанское время. Помимо этого, налицо керамика афригидского типа, средневековая и современная, свидетельствующая о непрерывной жизни укрепления до времени Бухарского ханства.

Взятые в целом, результаты работ по Средней Аму-Дарье, как и разведка вглубь Кара-Кумов, дают нам в руки важные документы для истории политической экспансии средневекового Хорезма, подготовленной экономическим расцветом, явившимся предпосылкой для превращения Хорезма в центр величайшей из восточных империй XII—начала XIII в.

С. Толстов

Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи

(Краткие итоги археологического обследования 1939 г.)

С 1937 г. над изучением археологических памятников древнего Хорезма, расположенных на территории Кара-Калпакской АССР, главным образом в Кызыл-Кумах, большую работу проводит МОИИМК (Моск. отделение Института истории материальной культуры АН СССР) (см. ВДИ № 1 (2) и 4 (5) за 1938 г. и № 3 (8) за 1939 г.).

Аналогичную работу на территории Ташаузской области с 1938 г. начал вести и Институт истории Туркменской ССР.

За короткое время работ в этих районах археологическими экспедициями впервые был открыт ряд весьма ценных памятников, относящихся к II и I тысячелетию до н. э., ряд памятников эллинистической эпохи и целая серия памятников более позднего периода, V—VIII и X—XIII вв. н. э.

Итоги работ первых двух лет—очень большие. Они не только ознакомили нас с обликом археологических памятников древнего Хорезма, но дали нам и большой фактический материал для понимания гражданской истории как самого Хорезма, так и истории Туркменистана на протяжении свыше трех тысяч лет.

Однако, несмотря на большой размах археологических работ по Хорезму, до 1939 г. значительная часть территории оставалась мало исследованной. К таким районам относятся среднее и нижнее течение реки Аму-Дарьи, южная часть Хорезмского округа УзССР и ряд других районов, входящих в северную часть Туркменистана. Судя по топографическим картам, а равно и по дошедшим до нас запискам различных путешественников, в упомянутых районах имеется большое количество развалин.

Перед организованной МОИИМК в 1939 г. большой археологической экспедицией, в которой принимали участие и научные учреждения Средней Азии (Узкомстарис и Институт истории ТССР), встал, наряду с основными работами в Кызыл-Кумах, вопрос об исследовании развалин в этих мало обследованных районах.

Для обследования, в первую очередь, был намечен район правого и левого берегов среднего течения Аму-Дарьи от Чарджоу до аула Питняк. Работа в этом районе проводилась двумя группами. Первая группа под руководством С. П. Толстова вела работу на правом берегу, а вторая, в составе археолога С. А. Ершова, младшего научного сотрудника С. С. Гасанова при двух рабочих,—на левом берегу.

Левобережной группой было обследовано до двадцати различных памятников, расположенных главным образом вдоль старой большой торговой караванной дороги, связывавшей в древние времена Хорезм с Хорасаном и Мавенарагром.

Обследованные в 1939 г. по среднему течению Аму-Дарьи памятники могут быть сведены в три основные группы. К первой группе относятся развалины городов и селений—сюда мы включаем город Дарган и крупное селение Джигирбанд; во вторую группу включаются отдельные дома, например Ак-тепе, Таш-акыр, Сен-рабат, Уч-Керсен, Гугурджели и Байрак-тепе; в третью—караван-сарай и укрепленные пункты в виде развалин Орт-тепе, Мовыз-ата-тепе, Моор, Турпак-кала, Кош-кала № 1, Кош-кала № 2, Кетменчи, Чаш-кала и Ата-тюрк-кала.

Значительное большинство памятников относится к феодальному периоду Хорезма, т. е. к X—XIII вв. н. э., и только три памятника (Турпак-кала, Кош-кала № 1 и Ата-тюрк-кала) датируются более ранним периодом—I—III вв. н. э.

Для получения более полного представления об архитектуре обследованных памятников, а равно и о их строительном материале остановимся на некоторых наиболее характерных и лучше сохранившихся памятниках. Начнем с наиболее ранних, относимых к I—III вв. н. э.

Кош-кала № 1. Крепость находится в 8 км на север от большого аула Кабаклы Дейнауцкого района. Расположена она в 40—50 м от дороги, с левой ее стороны, на краю естественной возвышенности. С трех сторон (северной, южной и западной) ее окружают песчаные холмы, заросшие мелким кустарником саксаула. С восточной же стороны идут колхозные хлопковые поля.

В плане крепость—прямоугольник со сторонами 70×116 м (внутренний обмер)—ориентирована сторонами по странам света (рис. 1).

Три стены (южная, западная и часть северной) сильно деформированы и имеют вид вала с чередующимися с внешней стороны буграми. Высота вала около 6 м, а толщина 7 м. С восточной стороны у крепости стены нет.

Стены крепости сложены из сырцового кирпича размером 40×40×11, 40×40×14 и 40×40×15 см, уложенного на глиняном растворе.

В северной стене, в северо-восточной ее части, сохранилась одна бойница ромбовидной формы. Высота бойницы по центру 65 см, а ширина 45 см. В этой же части стены имеется и полукруглая башня плохой сохранности. В западной стене намечается неширокий, в 3 м 50 см, вход.

Внутри крепости большой двор с ровной поверхностью, вся площадь двора усеяна многочисленными обломками керамики, преимущественно от больших красноглиняных хумов (корчаг). Среди этих обломков встречаются фрагменты и тонкостенных чаш и сосудов различных форм, хорошего обжига, покрытые красной айгобой. В результате сравнения археологического материала с известным нам материалом правого берега Аму-Дарьи данный памятник может быть датирован I—III вв. н. э.

Следующими памятниками, относящимися к этому же периоду, являются Турпак-кала и Ата-тюрк-кала. Остановимся на последней.

Ата-тюрк-кала находится в 15—16 км от современного аула Садывар, у подножья естественной возвышенности. Крепость, прямоугольная в плане, ориентирована сторонами по странам света (рис. 2). Стены сложены из сырцовых кирпичей размером 43×43×10, 43×43×11, 44×44×12 см, уложенных на глиняном растворе.

В юго-восточной стене, по низу, на протяжении 38 м сохранился ход, перекрытый полуциркульным сводом. Ширина хода 3 м. Юго-западная стена с 6 стрельча-

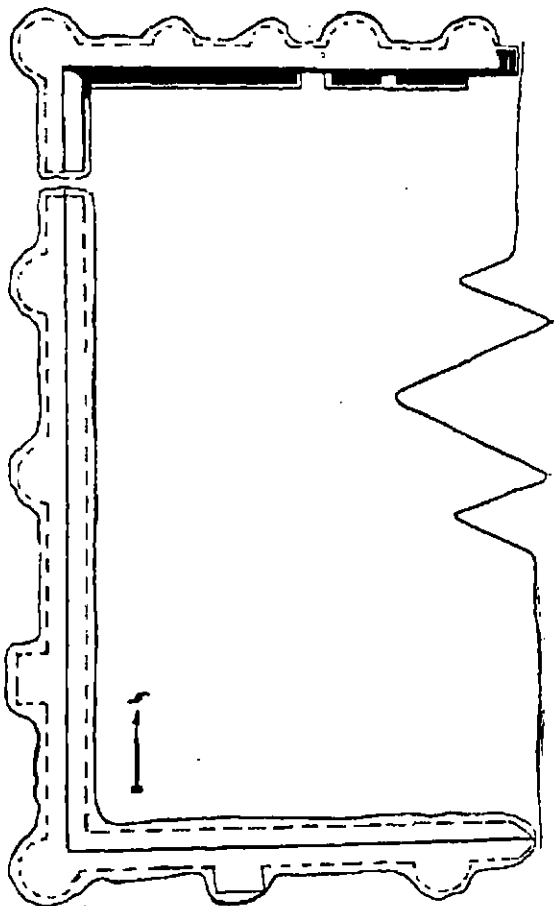

Рис 1. Кош-Кала № 1. Схематический план.

той формы бойницами сохранилась в длину на 17 м. По наружному обмеру высота бойницы по оси 80 см, а ширина 25 см, тогда как по внутреннему обмеру она имеет высоту 40 см. В этой же части стены имеется неширокий сводчатый проход наружу (рис.3).

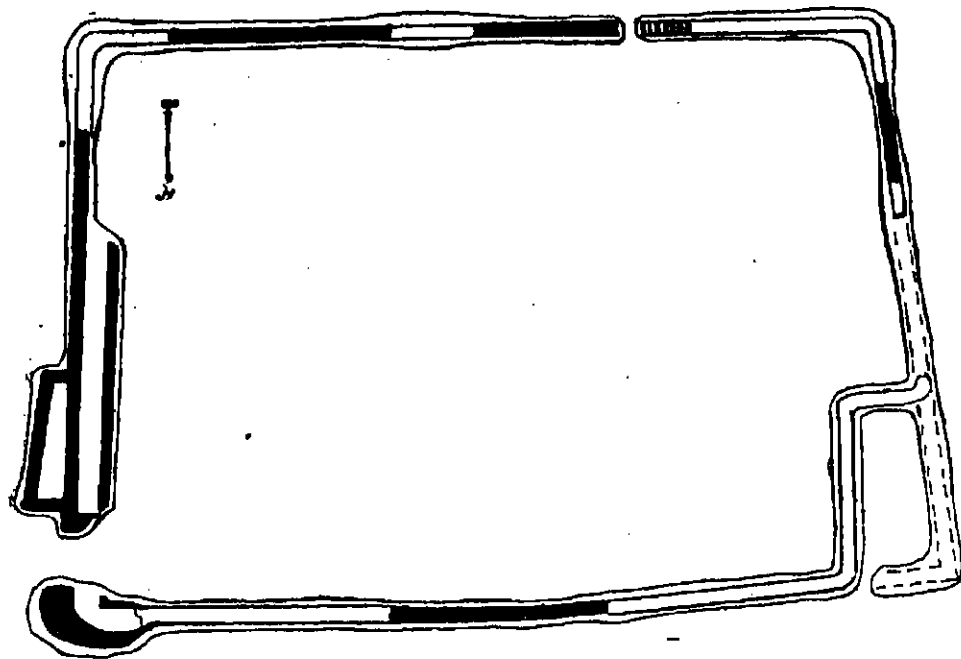

Рис. 2. Ата-Тюрк-кала. Схематический план.

Своды выложены из сырцовых кирпичей на ребро наклонными рядами; размер кирпича $43 \times 24 \times 8$, $43 \times 25 \times 10$ и $43 \times 24 \times 9$ см.

В кладке стен на кирпичах встречаются знаки в виде буквы «О» и оттисков концов пальцев.

Центральные ворота находятся в юго-восточной стене с массивными прямоуголь-

ными башнями по бокам. Само предвратное сооружение сильно деформировано, и восстановить его почти невозможно.

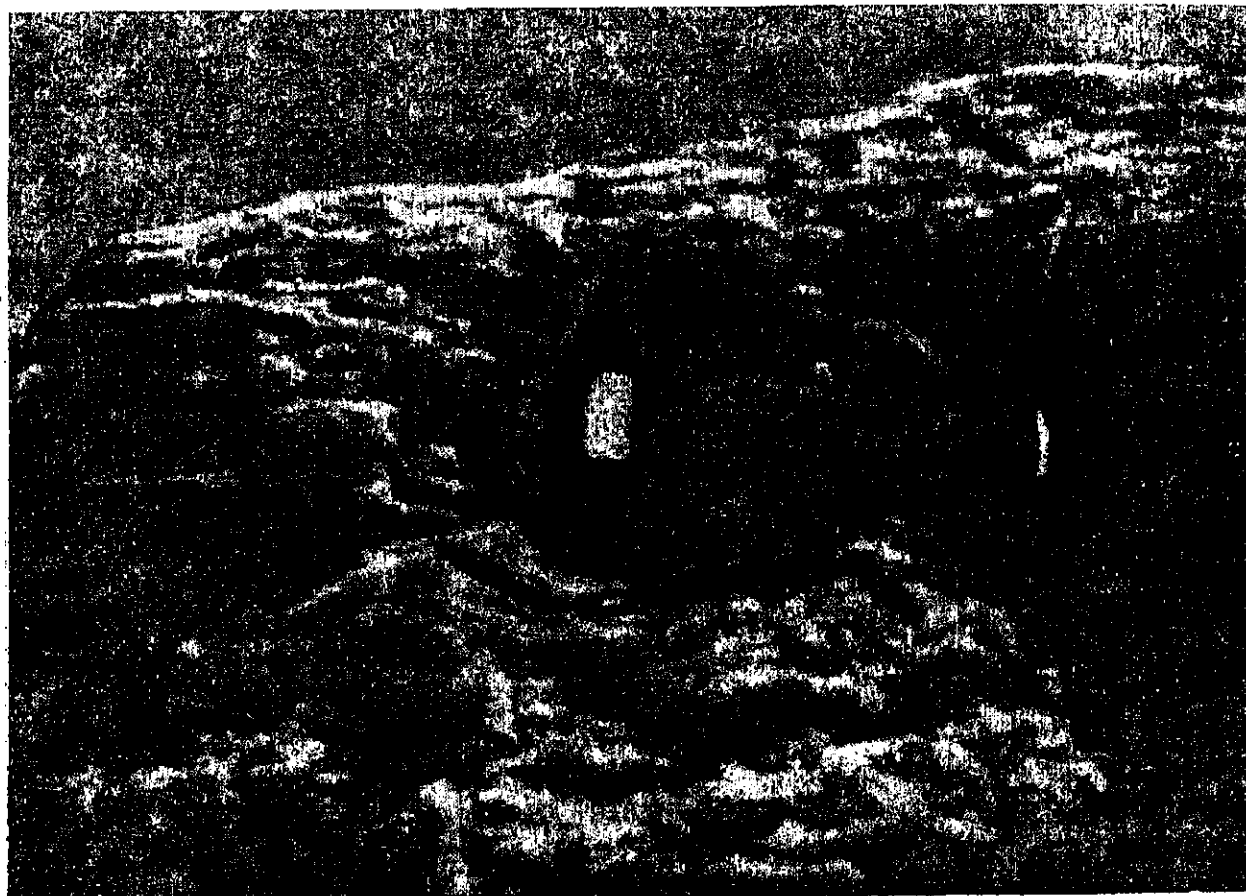

Рис. 3. Ата-Тюрк-кала. Часть юго-западной стены с бойницами.

Внутри крепости территория двора ровная и покрыта такыром. На обследованной территории как внутри крепости, так и вокруг нее керамики встречается очень мало. Из собранной особо выделяется неполированная красноглиняная керамика, покрытая красной ангобой. Она аналогична керамике крепости Кош-кала № 1.

Для памятников X—XIII вв. н. э. наиболее характерными являются развалины Дая-Хатын, Дарган и Чаш-кала.

Д а я - Х а т ы н. Данный памятник представляет большой караван-сарай с двумя дворами и надворными в них сооружениями, обнесенный мощной оборонительной стеной. Из всех обследованных памятников он имеет самую лучшую сохранность.

Расположен он в 167 км от города Чарджоу, на склоне естественной возвышенности, спускающейся к Аму-Дарье.

С восточной стороны по склону холма масса битого, жженого кирпича вперемешку с немногочисленными фрагментами керамики. В плане Дая-Хатын—прямоугольник и занимает общую площадь около 14 000 кв. м. Ориентирован сторонами по странам света (рис. 4).

Внешние стены по своей конструкции являются сложными. Наличие в них различного строительного материала указывает на то, что они перетерпели несколько восстановительных периодов, из которых каждый наложил свой отпечаток:

В основании стены сложены из сырцовых кирпичей, размером $35 \times 35 \times 10$ и $36 \times 37 \times 10$ см, уложенных на глиняном растворе. На высоте 1 м от современной поверхности толщина стен достигает 4 м, а чем выше, их толщина уменьшается, и на высоте 4,5—5 м она доходит до 1 м 20 см. С трех сторон стены имеют по три башни почти квадратной формы, а по углам—полукруглые. В стенах и у башен небольшие прямоугольные бойницы. В западной стене, в 40 см от средней башни, имеется заложенный сырцовым кирпичом узкий вход с полуциркулярной аркой. Ширина этого входа 1 м 70 см. О перестройке в позднее время свидетельствуют, во-первых, применяемый при восстановлении стен более мелких размеров сырцовый кирпич ($28 \times 28 \times 5$ см), во-вторых,—находимая в глиняной обмазке стен поливная керамика, датируемая XI—XII вв. н. э.

В самом центре внутри двора стоит большое здание. В плане это четырехугольник, занимающий общую площадь 3 136 кв. м. Стены здания внутри и снаружи облицованы жженым кирпичом размеров: $27 \times 27 \times 5$; $28 \times 28 \times 5,5$; $29 \times 29 \times 5$ и $29 \times 30 \times 5,5$. Здание фасадной стороной обращено на восток. Вдоль южной и северной стены, а равно и по углам здания имеется по одной полукруглой башне с купольным перекрытием внутри.

Обращает внимание художественно оформленная резным кирпичом и парной фигурной кладкой фасадная сторона здания. По фасаду, с правой и левой стороны входа, выведены довольно разнообразные рисунки с мельчайшими узорами.

Вход внутрь здания оформлен двумя большими пилонами, выступающими за линию стен на 3 м 20 см и вверху сведенными в стрельчатую арку. По бокам этих пилонов, несколько ближе к стене, стоят массивные полуколонны-башни.

В здании имеются 23 комнаты хорошей сохранности, с самостоятельными входами, располагающиеся вдоль стен. Задуманный план расположения комнат, по всей вероятности, имел в виду установить их полную независимость друг от друга. Величина комнат различна, различно и их перекрытие. В четырех комнатах имеется купольное

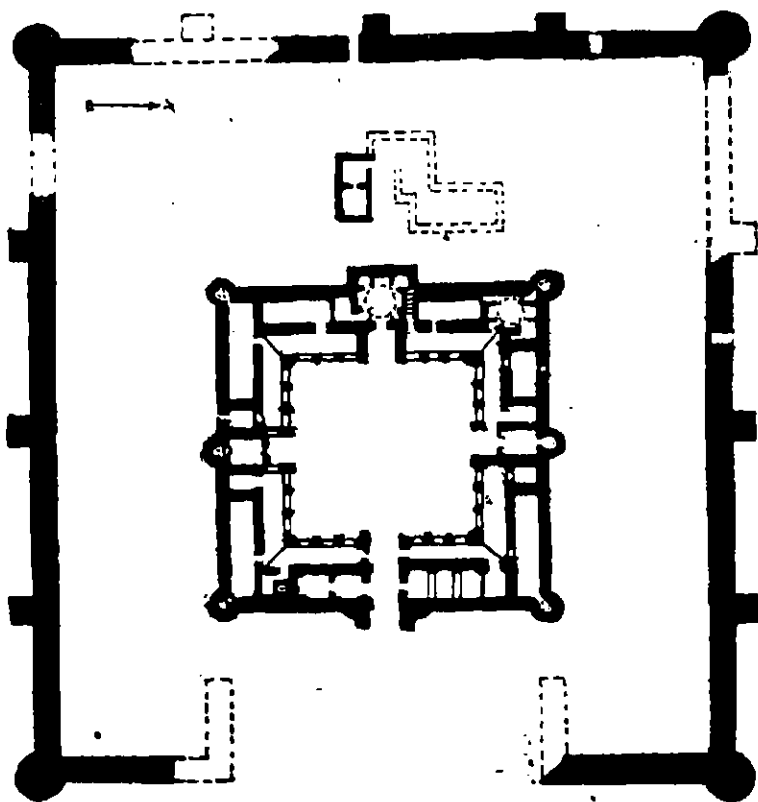

Рис. 4. Дая-Хатын. Схематический план.

перекрытие, а в остальных—сводчатые. Переход к куполу осуществляется через угловые тромпы, отделанные под сталактиты в три яруса из выпущенных углом кирпичей.

Все своды выведены наклонными рядами из жженого кирпича, уложенного на ребро.

Выходы из комнат идут в крытую галерею, которая со стороны двора оформлена стрельчатыми арками, а также богато орнаментирована резным кирпичом.

Комнаты освещались через посредство дверных и арочных проемов в галерее, а также и через имеющиеся в потолке отверстия прямоугольной и круглой формы. Прямоугольные отверстия имеют размеры 40 × 70 см, а круглые—диаметром 50 см.

Для просушки стен здания и крыши, а равно и для охлаждения комнат под потолком вдоль стен имеются большие отверстия высотой 75—80 см, а шириной 55—60 см (рис. 5).

Рис. 5. Дая-Хатын. Вид воздухопроницаемых отверстий в потолке вдоль стен.

На всей территории развалин Дая-Хатына было собрано незначительное количество фрагментов поливной и неполивной керамики. Поливная керамика имеет преимущественно светложелтый фон (с зеленоватым оттенком) с линейным под поливой орнаментом, а неполивная состоит из светлой, красной и черной керамики с лепным орнаментом.

Наличие в Дая-Хатыне различного строительного материала, а равно и разной строительной техники дает нам право высказать предположение о том, что внешние оборонительные стены по времени относятся к более раннему периоду и принадлежали они какому-то другому памятнику. Центральное же здание было выстроено гораздо позже. Это подтверждается его декоративно-орнаментальной отделкой, имеющей полную аналогию в мазаре Мухаммед Ханалыя и частично в мавзолее Султан Санджара и в Талхатан Баба (см. «Альбом архитектурных памятников Туркмении», стр. 31, 39).

Таким образом, центральное здание Дая-Хатына можно датировать XII в., отнеся его сооружение к тому периоду, когда в Хорезме устанавливается более твердое единое государственное управление хорезмшахов.

К какому же памятнику и времени относятся внешние оборонительные стены Дая-Хатына?

Из девяти названий, упоминаемых средневековыми авторами (Амоль, Виза, Мардус, Асбас, Сайфин, Тахирия, Дарган, Джигирбанд и Садывар), последние три пункта сохранили свое прежнее наименование и вполне локализируются наличием одноименных развалин.

Если следовать от известных уже нам памятников вверх по Аму-Дарье, первым неизвестным по местоположению памятником являются развалины Тахирии.

В. В. Бартольд в своих трудах (см. «К истории орошения Туркестана», стр. 79 и «Туркестан в эпоху Монгольского нашествия», стр. 142) пытается отождествить развалины Тахирии с укреплением Кетменчи.

В 1930 г. А. А. Марущенко, на основе сведений, полученных им от Л. Н. Соколова, обследовавшего в 1929 г. Дая-Хатын и Кетменчи, в своей статье «Существенные

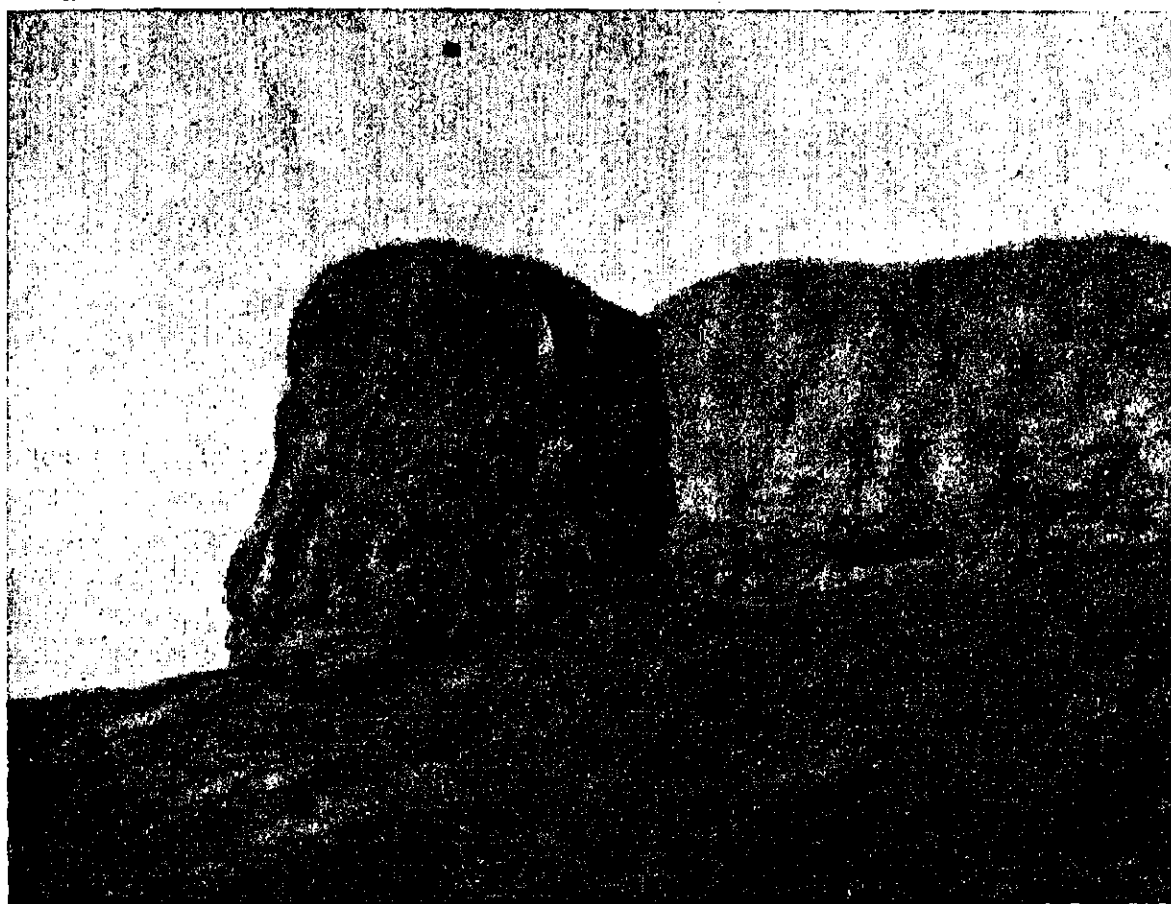

Рис. 6. Дарган. Часть юго-западной стены с угловой башней.

поправки» (см. журнал «Туркменоведение» № 12 за 1930 г., стр. 16) развалины Тахирии отождествляет уже с Дая-Хатыном.

Мы склонны поддерживать последнюю локализацию, так как обследованные нами развалины укрепления Кетменчи ничего похожего на город не дают. Эти развалины имеют вид небольшого сооружения, занимающего общую площадь 27×27 м, стены его сложены из больших глиняных блоков. Судя по собранной с развалин керамике, данный памятник по времени своего возникновения относится к более позднему периоду, чем Дая-Хатын.

Таким образом, мы можем констатировать, что внешние стены, окружающие Дая-Хатын, являются остатками оборонительных стен первого пограничного небольшого хорезмийского городка Тахирии и могут быть датированы концом IX или первой половины X в. н. э.

Вторым, но гораздо больших размеров, хорезмийским городом на Аму-Дарье, как нам известно по древним источникам, был город Д а р г а н.

Старый город Дарган находится в 3,5 км на юг от современного поселения городского типа Дарган-Ата. Расположен он на северо-восточных склонах естественной возвышенности и был окружен мощными стенами.

С западной стороны к городским стенам вплотную подходят пески, а с восточной—культурная земледельческая полоса и тугайные заросли.

Само городище сильно разрушено.

Сравнительно хорошо сохранились стены—восточные и южные. В некоторых местах они имеют высоту от 6 до 8 м, по стенам идут прямоугольные и полукруглые

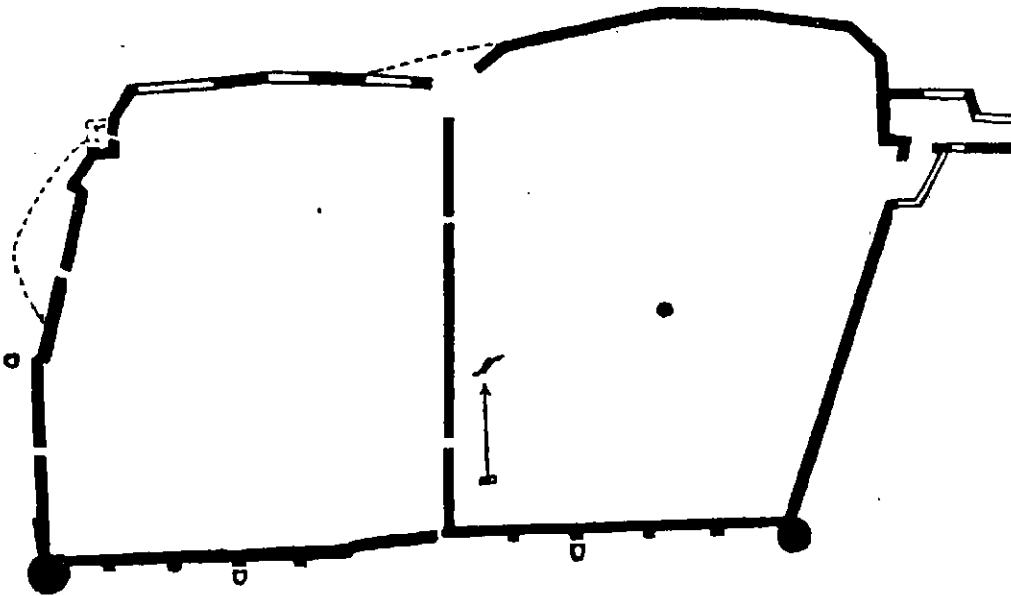

Рис. 7. Дарган. Схематический план.

башни, а по углам—восьмигранные. Кроме упомянутых башен, с трех сторон городища (восточной, южной и западной) имеются 4 полукруглые башни, вынесенные за стены на расстоянии от 2 до 4 м (рис. 6 и 7).

Ниже существующих стен по склону холма местами имеются следы вала, очевидно, более старой городской стены. Толщина стен различна, минимально они имеют 1 м 80 см (в северо-восточной части стены), а максимально—4 м 50 см (юго-западная стена).

Доступ внутрь города был через двое ворот: одни находились в восточной стене, а другие в северо-западной части стены. Ворота имели сложное устройство. Общая территория, занятая под город,—75 000 кв. м.

На всей территории города нет ни одного уцелевшего дома. Наличие большого количества бугров и возвышенностей различных форм и размеров говорит о некогда существовавших постройках.

Внутри город, с севера на юг, был разделен на две половины большой стеной, имеющей в длину 160 м при толщине 2 м 50 см. Обе половины города сообщались между собой через имевшиеся в этой стене два небольших прохода. В центре городища с обеих сторон поперечной стены вплотную примыкают две большие площади.

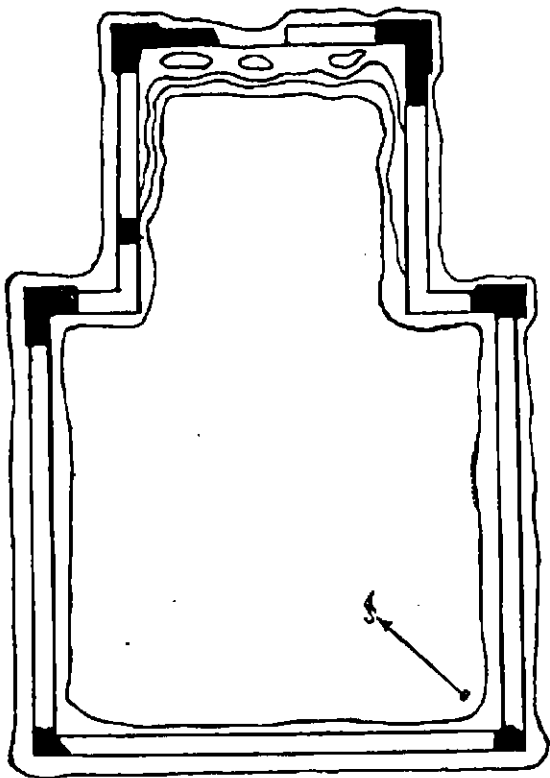

Рис. 8. Чаш-кала. Схематический план.

Наибольшая скученность холмов и возвышений отмечается в западной половине города. Здесь на поверхности попадает много гончарного и железного шлака, множество фрагментов поливной и неполивной керамики, встречаются, правда редко, и обломки жженого кирпича.

Совершенно по-другому выглядит восточная половина. В этой части города, несмотря на одинаковую с западной половиной площадь, имеются два больших расплыв-

чатых бугра, сплошь покрытых обломками жженого кирпича, среди которых встречаются отдельные фрагменты плиток с голубой поливой. Среди этих обломков встречается большое количество поливной и неполивной керамики. В этой же половине города вдоль северо-восточной части стены идут неизвестного пока назначения пристройки.

Толщина культурного слоя не превышает двух метров.

Верхний слой городища Даргана датируется поливной керамикой XI—XIII вв. н.э.

Пользуясь письменными источниками средневековых авторов, а равно собранным археологическим материалом и личными наблюдениями, можно наметить следующую топографию города. В западной половине города располагались преимущественно ремесленные мастерские, дома крестьян и прочие постройки, принадлежавшие бедной части населения, тогда как в восточной половине находились дома феодальной знати, их охраны и торговцев. В этой же части города была, вероятно, и соборная мечеть, о которой мы находим упоминания у автора X в. — Макдиси.

Следующий памятник, на котором мы считаем необходимым остановиться, — Чаш-кала (в переводе «развалившаяся крепость»).

Чаш-кала находится в 2,5—3 км от современного населенного пункта Садывара. В окрестностях развалин хорошо видны следы некогда возделывавшейся почвы, ныне заросшей бурьяном. С юго-западной стороны развалин местность покрыта густой сетью арыков, по некоторым из них и сейчас проходит вода.

Памятник — плохой сохранности, стены его уцелели лишь в угловых частях. В плане напоминает букву «Т». Стены выложены из массивных глиняных блоков кубической формы со сторонами 95 см и 1 м (рис. 8). Особый интерес в Чаш-Кале вызывает фасадная сторона внешней стены, где в уцелевшей ее части хорошо сохранилась гофрировка вверху, отделенная перспективными стрельчатыми арочками (рис. 9).

Внутри двора, в северной части, вдоль стены имеется большой бугор, указывающий, что вдоль этой стены располагались комнаты. В промоинах бугра на глубине 1 м 30 см виден слой от пожара. В остальной части двор имеет ровную поверхность, покрытую такыром.

На территории двора, а также и в окрестностях отмечается незначительное количество керамики, состоящей преимущественно из неполивной красноглиняной посуды.

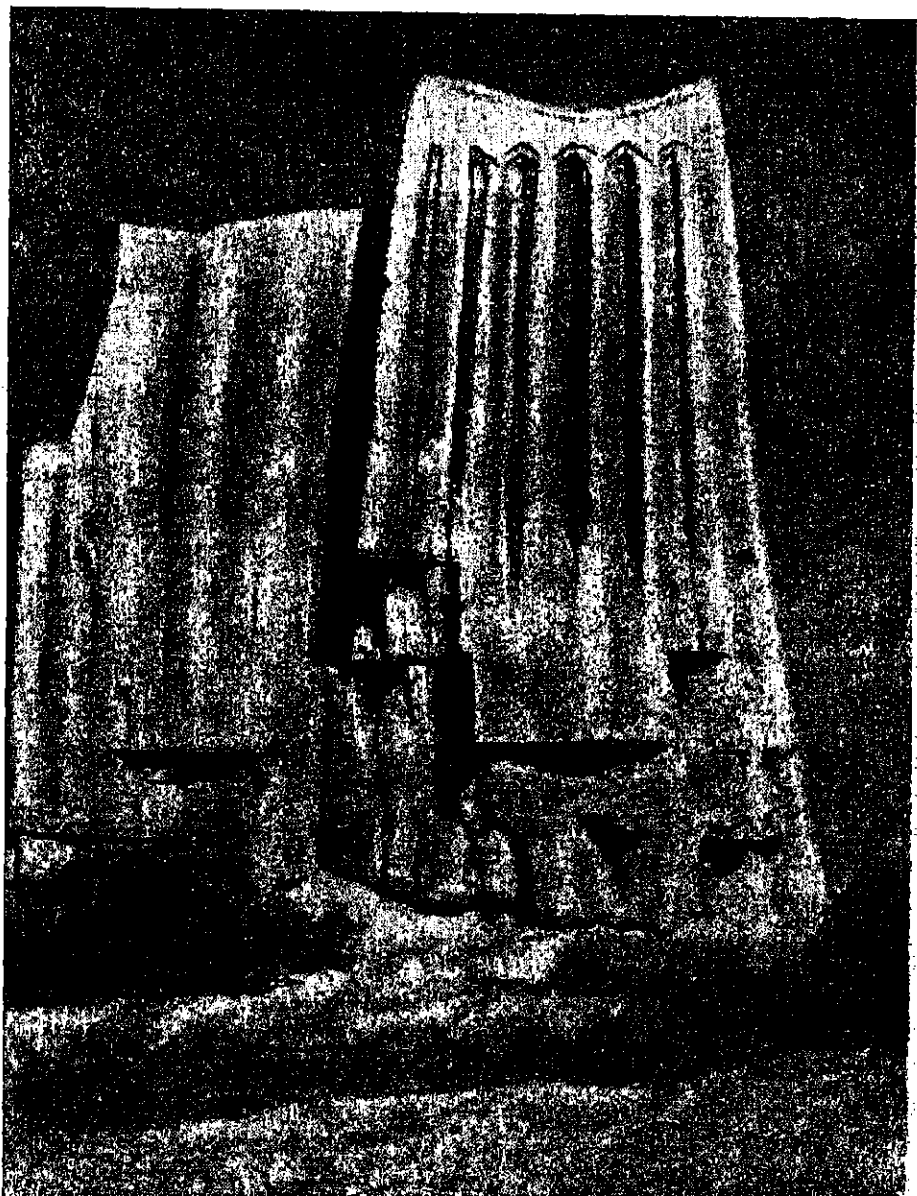

Рис. 9. Чаш-кала. Часть стены с уцелевшей гофрировкой.

На поверхности в юго-западном углу около стены¹ была найдена одна медная монета.

Остальные памятники в большинстве своем имеют вид небольших укрепленных пунктов, стены которых выложены из глиняных блоков без какой-либо архитектурной отделки и особого интереса не представляют.

С. Ершов

К истории древнего Хорезма

Труды одного из величайших ученых средневековья—математика, астронома, естествоиспытателя, географа и историка Абу-р-Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Бируни (974—1048)¹ содержат много сведений по древней истории Средней Азии и тех стран, которые с ней так или иначе соприкасались. Почти все, что мы знаем о судьбах его родной страны, Хорезма, мы знаем из его «Хронологии», сочинения, написанного им в молодости, около 1000 г. н. э. Только в последние годы археологические работы А. И. Тереножкина, С. П. Толстова и др. прибавили много новых данных по истории Хорезма, которые опубликованы пока только в незначительной части. Археологические данные нуждаются, однако, в освещении их письменными источниками, которые, в свою очередь, при сравнении их с результатами раскопок часто звучат совсем по-новому. Только при помощи «Хронологии» ал-Бируни могла быть сделана попытка прочтения хорезмийских монет².

«Хронология»—не единственное сочинение ал-Бируни, содержащее сведения по истории Хорезма. Такие же сведения в большем или меньшем количестве имеются во всех известных нам трудах ал-Бируни. К сожалению, до нас дошла только часть написанного им, не дошло, в частности, специальное сочинение по истории Хорезма—«Известия о Хорезме»; не все сохранившиеся сочинения изданы³. Одному отрывку, важному для истории Хорезма и до сих пор не опубликованному (существует только его краткое немецкое изложение)⁴, посвящена настоящая заметка.

Рукопись библиотеки «Султан Фатих» в Стамбуле № 3386 содержит единственный сохранившийся экземпляр сочинения ал-Бируни «Тахйид нихайят ал-амакин фи тасхях масафат ал-масакин» «Определение крайних положений местностей для проверки расстояний поселений»⁵. По счастливой случайности мы имеем в этой рукописи автограф ал-Бируни: рукопись закончена им самим в Газне за семь дней до конца месяца раджаба 416 г. х., т. е. 20 сентября 1025 г. Сочинение до сих пор не издано, хотя с тех пор как рукопись его впервые описана в печати, прошло уже 27 лет. В 1926 г., во время поездки в Турцию, покойный академик В. В. Бартольд сделал из него выписки, которыми я и воспользовался для настоящего сообщения. В докладе о своей поездке осенью того же года он кратко изложил содержание сочинения ал-Бируни и остановился на значении публикуемого ниже отрывка⁶.

¹ Правильнее было бы писать ал-Бируни, но я сохраняю обычную в научной литературе форму.

² С. П. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 120—145. Чтения С. П. Толстова вызывают много сомнений, и было бы желательно, чтобы о них высказались специалисты по среднеиранским языкам и алфавитам арамейского происхождения.

³ Только недавно опубликована Кренковым «Минералогия» ал-Бируни: Китаб ал-Джумахир фи марифат ал-джавахир. Хайдерабад, 1356. Это сочинение—один из последних трудов ал-Бируни—содержит много интересных исторических данных; для истории Хорезма оно, однако, дает немного и исключительно для X—XI вв.

⁴ ZDMG, V, 90, стр. 28; ср. также V. Mi p o r s k y, Hudud-al-Alam, стр. 481.

⁵ См. O. R e s c h e r, «Le Monde Orientale», VII, 1913, стр. 127; H. R i t t e r, «Der Islam», XIX, 1933, стр. 54; F. K r e p k o w, «Islamic Culture», VI, 1932, стр. 512—534; «Revue de l'Académie Arabe», XIII, 1935, стр. 283—284; A h m e t Z e k i V a l i d i, «Geographische Zeitung», 40, 1934, № 10, стр. 369 сл.; посвященные ал-Бируни работы того же автора, повидимому, до сих пор не вышли в свет, хотя ссылки на них появлялись еще в 1930—1934 гг.

⁶ Архив АН СССР, фонд 68, опись 1, № 221, ср. № 223.